

Цена № 10 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 21

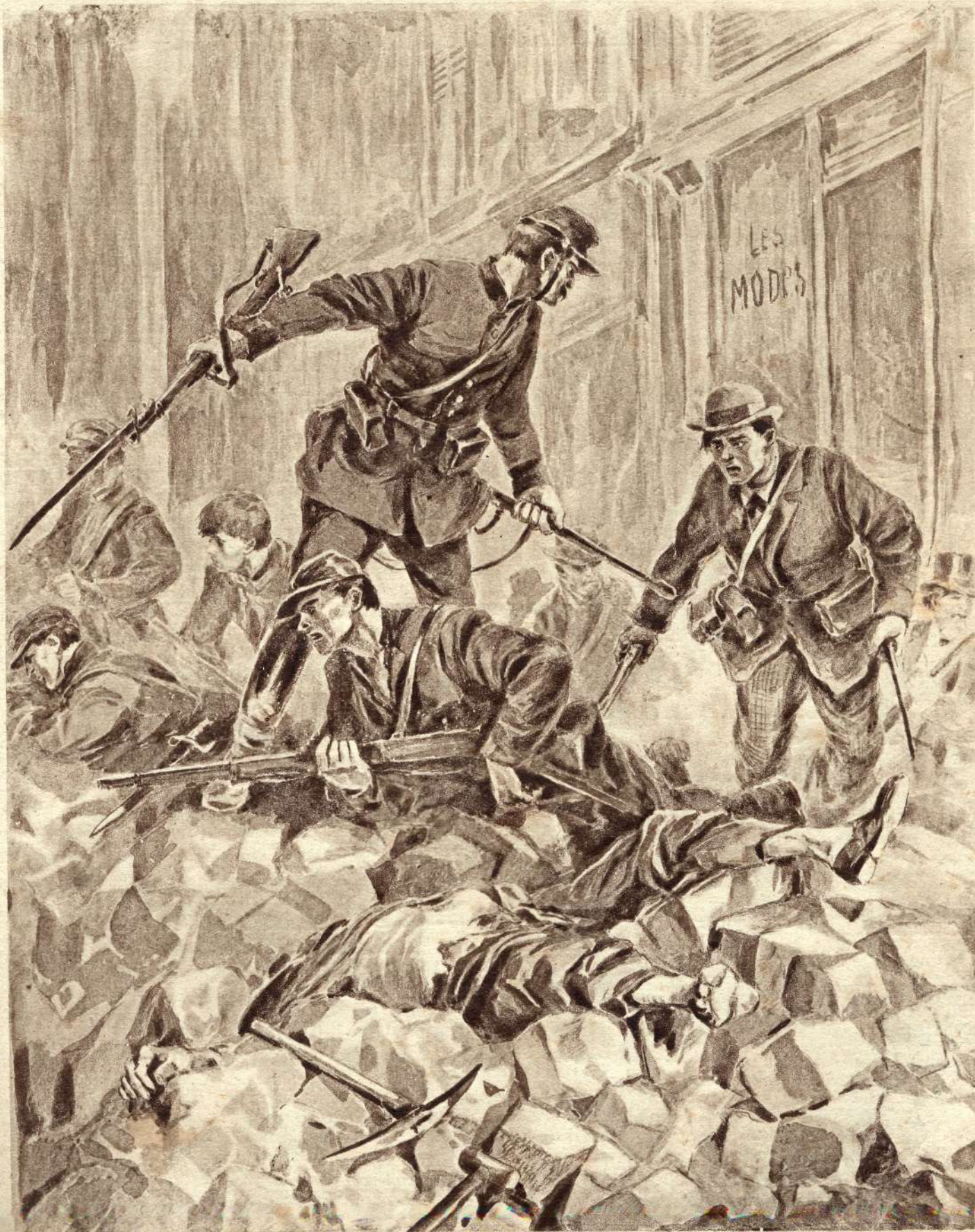

Рисунок худ. А. Пржевальского.

В дни коммуны он стал в ряды парижских пролетариев...
(К очерку „Элизе Реклю“).

„Зиф“

Прием новой подписки на „Вокруг Света“ по 1-му и 2-му абонементам с января прекращен. Принимаются очередные взносы и продление подписки только от уже подписавшихся.

Цены на препараты Госуд. Института экспериментальной эндокринологии Наркомздрава Р. С. Ф. С. Р. снижены от 15 до 40%

№ по порядку	НАЗВАНИЕ ПРЕПАРАТОВ	Индивидуальная упаковка препаратов									
		Жидкий препарат				Таблетки				Порошок	
		Флаконы по				Флаконы по 25 шт. табл.				Банки по	
		50,0	30,0	10,0	5,0	0,5	0,3	0,2	0,1	30,0	15,0
1	Антиастмокрин...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Антитиреокрин...	—	3—	1-20	—	—	—	1-50	1—	7-50	3—
3	Инсулин...	—	—	—	1-75	—	—	—	—	—	—
4	Маммокрин...	—	—	—	—	1—	0-75	—	—	1-75	1—
5	Маскрин...	2-20	1-65	—	—	2-50	1-75	—	—	5—	3—
6	Метрокрин...	—	—	—	—	—	1-25	—	—	—	1-25
7	Овариокрин...	1-75	1-25	—	—	2—	1-20	—	—	3-60	2—
8	Новоовариокрин женск. пол. горм.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Овариокрин по Кравкову...	3—	2—	—	—	1—	50	—	—	—	—
10	Орхикрин...	2-75	1-75	—	—	1-25	0-90	—	—	3—	1-50
11	„ по Кравкову...	—	—	—	—	2—	—	—	—	—	—
12	„ нов...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Панкреатин...	—	—	—	—	—	—	—	—	3—	1-75
14	Паратиреокарин...	—	—	—	—	—	—	—	2-50	—	6—
15	Питуикрин... „Р“	—	4—	—	—	2—	50	—	—	—	—
16	„ „Т“	—	3-50	—	—	2—	50	—	—	—	3-50
17	„ „А“	—	—	—	—	2—	50	—	—	—	3-50
18	Половой гормон (пролактин)...	—	—	—	1-50	—	—	—	—	—	—
19	Простатокрин...	2-50	1-75	—	—	1—	50	3—	2—	—	6—
20	Спермокрин...	2—	1-50	—	—	1—	50	1-25	—	—	3-50
21	Тимокрин...	—	—	—	—	—	—	1—	—	2-50	1-50
22	Эпинефрокрин по Кравкову...	—	5—	2-75	—	2—	—	—	—	—	—

ВЫПУЩЕНЫ ПРЕПАРАТЫ В СПЕЦИАЛЬНОЙ БОЛЬНИЧНОЙ УПАКОВКЕ. Подробный прейскурант и литература по применению препаратов высылаются бесплатно.

Заказы адресовать Генеральному представительству Института экспериментальной эндокринологии по реализации в С.С.С.Р. АКЦ. О-ВУ „ГОНЕЦ“. Москва, Москворецкая, 24/11.

Для ускорения заказа: 1) пишите четко адрес и фамилию, 2) перечислите заказываемый товар на оном денежном переводе, либо приложите письмо к отрезному купону перевода. Упаковка и пересылка за счет заказчика. При заказе обязателен аванс в размере 25% стоимости его для коллективных заказчиков, в размере 50% для индивидуальных заказчиков, остальные наложенным платежом

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

„ВОКРУГ СВЕТА“

1-го СЕНТЯБРЯ

истекает срок уплаты 3-го взноса по подписке в рассрочку на „ВОКРУГ СВЕТА“

с приложением ЖУЛЯ-ВЕРНА 2 р. 25 коп.

Подписчикам, не внесшим этого взноса, высылка журнала и приложений к нему будет ПРЕКРАЩЕНА. Дальнейшее промедление в уплате взноса повлечет за собой аннулиацию подписки, возобновление которой, в виду ограниченности тиражей, Издательство НЕ ГАРАНТИРУЕТ.

Взносы направлять по месту сдачи первоначальной подписки или непосредственно в Издательство. Издательство „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“ Москва, Никольская, 10/2.

Книжный сектор

„БОРЬБА ЗА ПОЛЮСЫ ЗЕМЛИ“

Стремление человека узнать тайну полюсов, трагическая история гибели многих исследователей, полет и гибель Италии и Амундсена, подвиги «Красина», «Малыгина», «Седова» — темы, 11 книг, богато иллюстрированных и доступных малообразованному читателю. Цена библиотечки 9 р. 85 к.

„БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА“ 22 книги о жизни знаменитых людей, путешествиях, приключениях, авергах, детях других стран и т. д. Много иллюстраций. Цена библиотечки — 11 р. 45 к.

СБОРНИК ПЯТИДЕСЯТИ ЗА ПЕРЕДЕЛКУ БЫТА Ежегодник на 1930 г.

Содержание: Мирное хозяйство в СССР и мировое хозяйство СССР и мировая политика. Международная коммуналка. В 1929 г. Мирное производство. Выполнение плана великих работ. Государства мира в цифрах и др. Цена в проч. конлентор. перепл. 2 р. 50 к.

БИБЛИОТЕКА

КОМСОМОЛЬЦА - АКТИВИСТА

40 книг, включающих ответы на все вопросы комсомольского движения и характеризующих современные задачи комсомола в городе и деревне. Цена библиотечки — 6 р. 70 к.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

изучайте по самоучителю ПИМЕЛЕВА, составлен. по методу МЕРТНЕРА, не треб. заучив. слов и правил. Допущен. ГУО. Курс 1-й (для начинающих) — 2 р. 50 к., курс 2-й (для продолжающих) — 2 р. 50 к.

Все нужные вам книги выписывайте через „ГОНЕЦ“. Высылаются налож. платеж. Приславшие деньги вперед за пересылку не платят. Деньги и заказы адресуйте: Москва, „ГОНЕЦ“, Москворецкая, 24/11.

МОТОЦИКЛ и ОБРАЩЕНИЕ С НИМ

Что нужно знать мотоциклисту.

Ияз. Шурихт. Ц. 1 р. 80 к.

ТЕХНИКА НОВОЙ БУХГАЛТЕРИИ

Копирчет, шпатель, от-дерная, машинная и тройная константная формы. Цена 2 р. 50 к.

ПРОДОЛЖАЕТ. ПОДПИСКА на 2-е исправл. и дополн. издание УПРОЩЕННАЯ

СПРАВОЧНАЯ КНИГА

для ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА среднего по типу издания М. ПЕТЫКА (без высшей математики).

Экземпляр 2000 стр. текста, свыше 1500 чертежей и рисунков, в 2-х томах, в издании. проч. перепл. Цена с пересылкой 22 руб. 50 к. При подписке вносится задаток 3 рубля. Подробный прейскурант — бесплатно.

ЗАГРАНИЧНОЕ ИЗДАНИЕ на русск. языке „БИБЛИОТЕКА ГЕШЕН“ Каталог — бесплатно.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА ВЫСЫЛКУ ЛЮБОЙ КНИГИ

по всем отделам знания. ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: Ленинград, просп. Володарского, 53-а, Бескровный. Госуд. Об'ед. „МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА“.

Только что вышла в свет НОВАЯ КНИГА ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА НАШИХ ДНЕЙ

В. В. Юмнина. 121 рис. 212 стр. Ц. 1 р. 70 к. Издательство: Гиганты нашей техники. Как увеличить территорию Европы. Бессознательные самогонщики. Огонь под водой. Самое занимательное производство. Путешествующие жилища. Занимательная техника на дому. Селюбное из неселюбного и ми. др.

Имеются в продаже: ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АВИАЦИЯ.

К. Е. Вейдгеллина. 123 рис. 240 стр. Ц. 1 р. 90 к. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МИНЕРАЛОГИЯ.

Акад. А. Е. Ферсмана. 100 рис. 32 стр. Ц. 2 р. 10 к. ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ.

Я. И. Перельмана. 137 рис. 152 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Книги высылаются наложн. платежом. В заказах обращаться по адресу: Ленинград, 25, Стрелнинская, 4/33.

Исправление: М. В. „ВРЕМЯ“.

1-го СЕНТЯБРЯ

ИСТЕКАЕТ СРОК УПЛАТЫ 3-го ВЗНОСА по ПОДПИСКЕ в РАССРОЧКУ

НА „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“

С ПРИЛОЖЕНИЕМ Г. УЭЛЛСА 2 р.

Подписчикам, не уплатившим к этому сроку очередного взноса, высылка изданий будет ПРЕКРАЩЕНА.

Возобновление подписки по взносам, поступившим с опозданием, Издательство НЕ ГАРАНТИРУЕТ, так как тираж „Всемирного Следопыта“ и приложений ОГРАНИЧЕН.

Издательство настоятельно рекомендует подписчикам НЕ МЕДЛЕННО УПЛАТИТЬ 3-й ВЗНОС и тем обеспечить себе дальнейшее бесперебойное получение изданий.

Взносы направлять по месту первоначальной подписки или почтовыми переводами непосредственно в Издательство. Издательство „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“. Москва, Никольская, 10/2.

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 21

3 руб. 20 коп.
за 36 №№ десятидневного журнала «Вокруг Света». Цена на 6 месяцев — 1 р. 65 к., на 3 месяца — 85 к., на 1 месяц — 30 к. Для заграничных на 25% дороже. Цена отд. номера — 7 америк. центов. За перемену адреса — 20 к.

Редакция «ВОКРУГ СВЕТА» — МОСКВА, Центр, Никольская, 10/2. Тел. 64-87. Подписка принимается в конторе журнала (Москва, Никольская, 10), а также во всех отделениях изд-ва «ЗИФ», в отделениях и магазинах Госиздата. Повсеместно на почте и уполномоченными газеты «ГУДОК». Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10, тел. 2-32-36); за строку нонп. — 1 р. 35 к., за страницу — 750 руб. (сверх тарифа — госналог 10%).

7 руб. 50 коп.
за 36 №№ «Вокруг Света» с прилож. 24 книг. собр. соч. Жюль Верна. На 6 м. — 4 р., на 3 мес. — 2 р. 15 к., на 1 м. — 75 к. При подписке на год расч. при подписке — 3 р. к 1 мая — 2 р. 25 к., к 1 сентября — 3 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Подводные земледельцы. Научно-фантастический роман А. Беляева. □ Побеждающие тюрьму. Очерк И. Полтавского. □ Похищенный бумеринг. □ Рассказ Вальтера Грига. □ Ондатра. Экспедиция Сибторга. □ Гренландия. Будущая авиабаза. □ Пищевые экспедиции. Очерк Н. Глоба-Михайленко. □ Элизе Реклю. Очерк Л. Савельева. □ Всемирный калейдоскоп. □ Объявления.

ПОДВОДНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Научно-фантастич. роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. С. П. Лодыгина

XXIX. Электромагнит действует

После первого нападения надо было ожидать второго. В конторе завода Волков собрал «военный совет», чтобы обсудить план защиты. Первым взял слово Гузик.

— Субмарина Таямы, — заявил он, — своего рода чудо военной техники. Если нам удастся захватить ее как военный приз, то это будет отличное приобретение.

— Захватить! Легко сказать, — отозвался Ванюшка. — В сети ты ее не поймашь.

— Существует сеть, — ответил Гузик, — которую она не пробьет. Видал ли ты когда-нибудь детские игрушки — уточки, рыбки, сделанные из легкого металла, пустые внутри и с железным наконечником? Эти уточки-рыбки пускают в блюдце с водой и при помощи маленького магнита заставляют их двигаться. Так вот: я думаю поймать лодку Таямы, как игрушечную рыбку, при помощи магнита. Но так как «рыбка» велика, то и магнит должен быть особенный. Я опояшу металлическим кольцом наш подводный дом и при помощи тока большой мощности превращу это кольцо в электромагнит гигантской силы.

Этот план заинтересовал всех, хотя и высказывались сомнения в его осуществимости. С особой горячностью возражал Ванюшка. Гузик был непреклонен. Его, как изобретателя, пленяли новые способы ведения войны. И в конце концов смелый план был принят.

Целый день подводники потратили на то, чтобы склепать и укрепить будущий электромагнит. Все источники электроэнергии, имевшейся в распоряжении Гузика, были пущены им в ход. Наконец, когда электромагнит получил достаточную мощность, произвели опыт. Ванюшка надел на голову гребной винт, а на ноги толстые железные подошвы. Гу-

зик заранее объяснил Ванюшке его роль. Ванюшка должен был изображать собой подводную лодку. Он отошел на несколько десятков метров от подводного жилища, поднялся при помощи гребного винта на два-три метра вверх и протянул ноги с железными подошвами по направлению к подводному жилищу. Гузик включил ток.

В тот же момент Ванюшка почувствовал, что он падает, но как-то странно: в горизонтальном направлении. Электромагнит действовал! Тогда Ванюшка поспешил пустить в ход гребной винт. «Падение» замедлилось, как будто над головой юноши вдруг раскрылся парашют. Но все же Ванюшка продолжал двигаться ногами вперед к подводному жилищу, и чем дальше, тем быстрее. Наконец ноги довольно ощутительно ударились о железный пояс. У Ванюшки было такое ощущение, будто он спрыгнул на землю с крыши дома.

Он хотел оторвать ступни от электромагнита. Не тут-то было. Ноги точно вросли в железную полосу. К Ванюшке подбежал Волков, схватил его за руки и, пустив в ход свой гребной винт, начал тянуть юношу как на буксире. Ванюшка не отрывался. Вслед за Волковым подошли Маскютин, Конобеев и присоединили силы своих гребных винтов, цепляясь друг за друга, как «дедка за репку». Но даже четыре гребных винта не могли оторвать Ванюшку, а сам он, рискуя быть разорванным на части, начал кричать, дергать руками и мотать головой, разбрасывая во все стороны лучи своего фонаря. Но друзья не поняли его, приписывая эти движения выражению восторга. И Ванюшке плохо пришлось бы, если бы в этот момент Гузик не выключил ток. Вся четверка отлетела от магнитного пояса и помчалась вперед, влекомая быстро вращающимися гребными винтами.

Гузик был удовлетворен результатами опыта. Но все же решение задачи зависело от одного неизвестного: какова сила двигателя подводной лодки.

Еще до наступления ночи все были на местах. Гузик стоял наготове в машинном отделении Гидрополиса, а Ванюшка, Волков, Конобеев и Маскютин расположились на четырех углах подводного жилища, лежа с погашенными фонарями в густых водорослях. Ванюшка смотрел в чернильный водный мрак, но ничего не видел. Минуты текли медленно. Ему уже захотелось спать, когда вдали мелькнуло едва заметное световое пятнышко. А через минуту Ванюшка уже не сомневался в том, что видит прожектор подводной лодки. Он подбежал к подводному жилищу и начал стучать по стенке железного колпака, желая предупредить Гузика о приближении врага. В ответ на этот стук вдруг вспыхнул прожектор Гидрополиса, и все окна подводного жилища ярко засияли огнями. Ванюшка начал еще сильнее стучать в стенку.

— Ну, что ты колотишься, как припадочный! — услышал вдруг Ванюшка голос Гузика, незаметно подошедшего к нему. — Я нарочно осветил Гидрополис, чтобы Таяме удобнее было найти его.

— А вдруг Таяма при ярком свете увидит пояс? — с опаской спросил Ванюшка.

— Увидит, когда будет поздно, да и, увидав, ничего не поймет. Не беспокойся. Когда подлодка приблизится на расстояние трехсот-четырехсот метров, стукни мне, и я пушу ток.

Не доходя нескольких сот метров до Гидрополиса, подводная лодка повернула, замедлив ход, и поплыла вокруг подводного жилища, словно отыскивая удобное место для атаки или высматривая, не угрожает ли ей какая-либо опасность. Ванюшка посту-

чал Гузику. Лодка сделала полный круг и начала второй, уже на расстоянии не более сотни метров. Но тут Ванюшка заметил, что лодка начала двигаться как-то странно. Она виляла из стороны в сторону, как автомобиль в руках неопытного шофера, — при чем Ванюшка заметил, что расстояние между лодкой и Гидрополисом быстро уменьшается.

«Действует!» — подумал Ванюшка, холодея от волнения.

Свет прожектора все усиливался. Как огромная серебристая акула, быстро разрезала субмарина зеленоватые воды. Только нос ее не напоминал морду акулы, — он был слишком острый и походил на голову щуки.

XXX. Сложение сил

Но тут картина вновь изменилась. Подводная лодка вдруг остановилась под тупым углом по направлению к Гидрополису и дала задний ход. Гребной винт работал с такой силой, что вокруг Ванюшки поднялось настоящее волнение, и со дна, как дым, закрутились вихри ила. Ванюшка принужден был переползти на несколько метров. С нового места субмарина была хорошо видна. Казалось, она была привязана невидимым тросом, который тщетно старалась разорвать. Но все же, видимо, и «трос» испытывал огромное напряжение и как будто вытягивался.

И вот случилось, казалось, непонятное. Медленно-медленно, как улитка, субмарина начала отходить назад. Борьба была решена в пользу Таямы!

— Так нет же! — закричал Ванюшка, поднимаясь на ноги.

Он вдруг подбежал к подводной лодке с быстротой, какая только была возможна под водой. Ему пришла

в голову мысль: схватиться за выступы сложенных «крыльев» и, пустив в ход свой гребной винт, тянуть подводную лодку к дому, как упирающегося козла. Он подплыл к лодке, ухватился за нее и начал тянуть. «Ведь там, где противники почти равны, ничтожная прибавка силы может дать одной стороне перевес!» — думал Ванюшка.

Его расчет оправдался: лодка осталась. Тут на помощь Ванюшке подоспели Волков и Конобеев, которые поняли и оценили его план. Волков схватился за лодку с другой стороны, а Конобеев, уцепившись снизу, потянул субмарину, упираясь огромными ножищами в илистую почву.

«Сложение сил» подействовало. Лодка сначала медленно, а потом со все увеличивающейся скоростью двинулась прямо на Гидрополис.

— Ура-а! — крикнул Ванюшка, и в тот же момент был сброшен вместе с Волковым развернувшимися «крыльями» лодки.

Едва ли это было сделано умышленно, — крылья, состоящие из металлических кос, полос и крючьев, — были развернуты, вероятно, для того, чтобы увеличить сопротивление. Скоро и Конобеев принужден был оставить лодку, которая рванулась вдруг с такой силой, что старик упал. Друзья с ужасом смотрели на этот бешеный прыжок, который мог нанести подводному жилищу страшные повреждения.

Однако случилось нечто неожиданное: на расстоянии каких-нибудь десяти метров субмарина круто повернула боком. Винт остановился, лодка правой стороной «пришвартовалась» к железной полосе электромагнита — и замерла.

— Стоп! Приехали! — крикнул Ванюшка в слуховую трубку Волко-

ва. — Теперь, кафется, крепко влип Таяма!

Все поспешили к подводной лодке. Как бы не веря своим глазам, Ванюшка схватился за крюк, выступавший сбоку лодки, и потянул. Конобеев также ухватился за лодку и начал ее тянуть. Но даже этот геркулес оказался бессильным сдвинуть ее с места. Лодка держалась так крепко, словно была припаяна к железной полосе.

— Надо отправить радиogramму людям в подводной лодке, — сказал Ванюшка и, пройдя в машинное отделение подводного дома, протелеграфировал:

«Сдавайтесь. Вы в плену, и вам не удастся бежать».

Ответа не последовало. Ванюшка еще раз послал телеграмму, изменив длину волны:

«Гражданину Таяме. Говорит Иван Топорков, служащий подводного совхоза. Сдавайтесь. Телеграфируйте ответ через пять минут, иначе мы взорвем вас вместе с лодкой».

— С ума ты сошел! — вскрикнул Гузик. — Разве можно взрывать подводную лодку? Для того ли я старался?

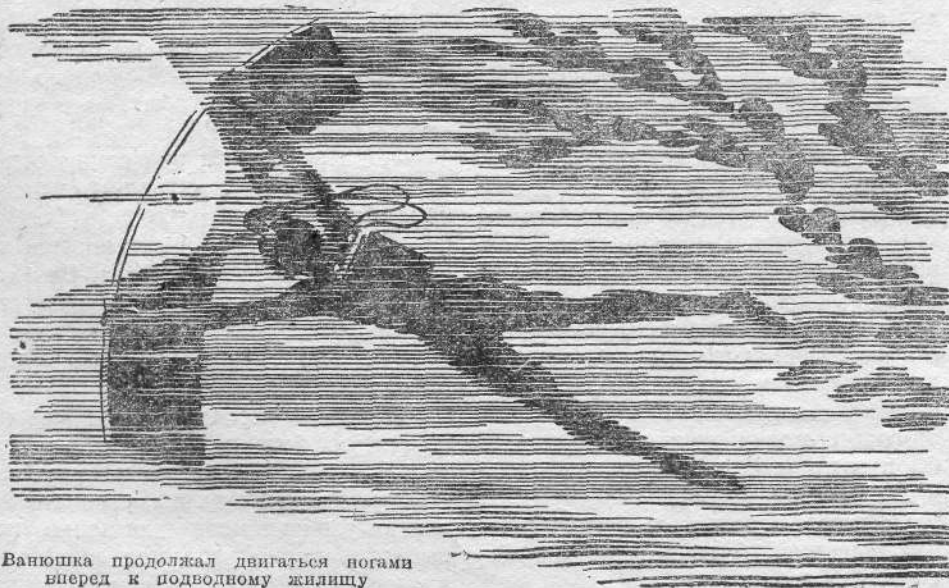
— Это я фтоб напугать их, — ответил Ванюшка.

Но японцы упорно молчали. Они либо испугались угрозы, либо вовсе не получили радиogramмы.

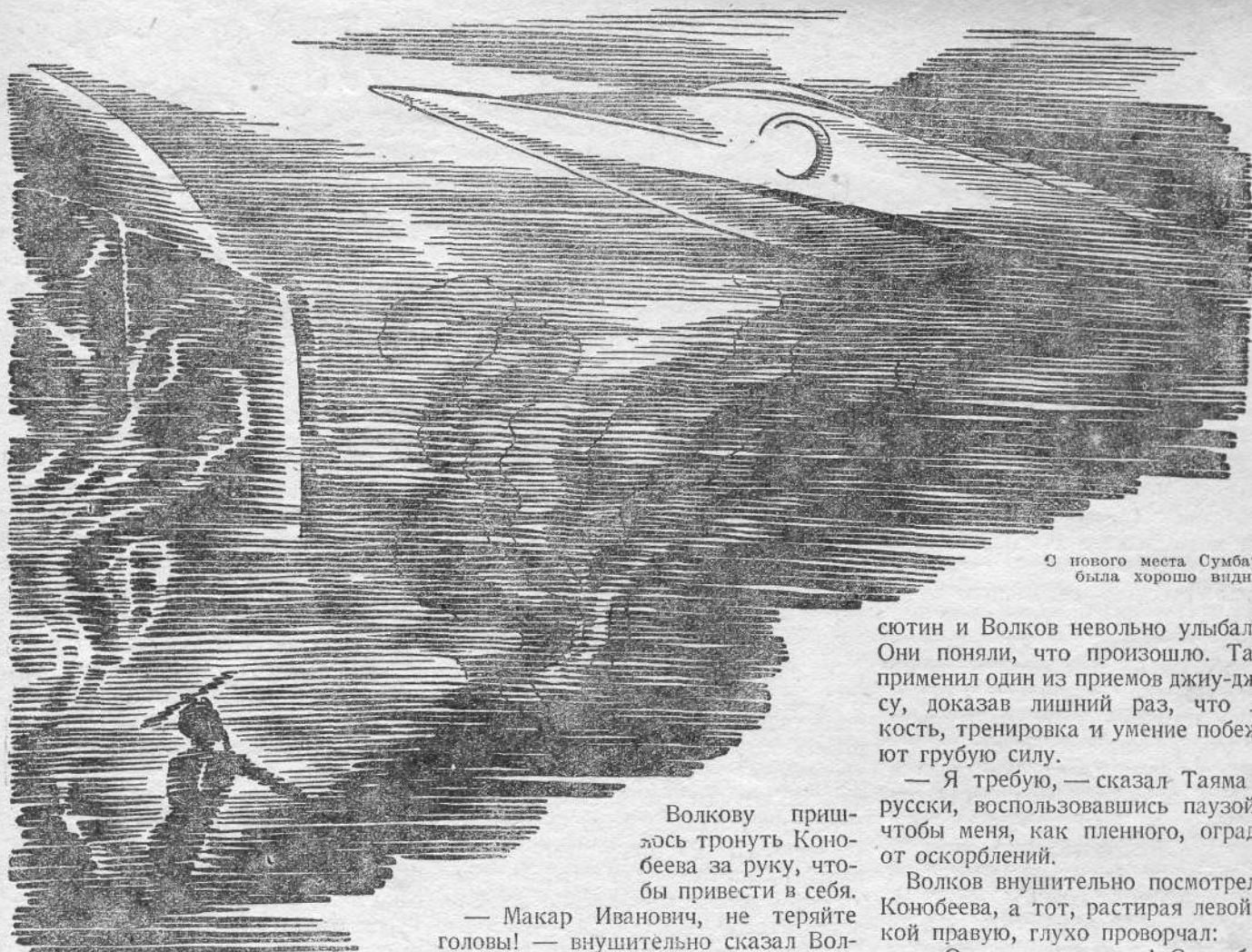
— Значит, не желают с нами разговаривать, — решил Ванюшка. — Ну что ж, подождем. Когда у них кислорода не хватит и начнут задыхаться, небось, заговорят. Ты, Гузик, слушай, а я пойду посмотрю, что там делается.

И Ванюшка вышел из подводного жилища и подплыл к субмарине.

Если нельзя было видеть, то Ванюшка попытался услышать, что делается в подводной лодке. Зацепившись за крюк, он приложил к стальной стенке конец своей слуховой трубки, как врач, выслушивающий больного. Ему повезло. Металлические стенки субмарины очень хорошо пропускали звуки. Там, повидимому, происходила довольно бурная сцена. Ванюшка отчетливо слышал возбужденные голоса, о чем-то горячо спорившие. Ему даже показалось, что он узнал голос Таямы. Внезапно голоса замолкли. Послышалась глухая возня, как будто там, внутри лодки, что-то перетаскивали или боролись. Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Шум голосов усилился. Неожиданно послышался страшный треск. Револьверные выстрелы?.. Потом долго говорил один голос, как будто убеждавший. И сно-

Ванюшка продолжал двигаться ногами вперед к подводному жилищу

С нового места Сумбарина
была хорошо видна

ва возня, а вслед за нею — мертвая тишина.

Неожиданно кто-то тронул Ванюшку за ногу. Внизу под ним стоял Гузик с зажженным фонарем на голове и жестом приглашал Ванюшку сойти вниз. «Наверно, телеграмма получена».

Ванюшка не ошибся. Гузик сказал, что от Таямы получен ответ. Таяма сдается.

XXXI. Харакири

Яркие лучи утреннего солнца заливали спокойную гладь океана, когда подводная лодка Таямы поднялась на поверхность. Волков, Конобеев и Масютин с четырьмя водолазными костюмами для пленного экипажа взобрались на мостик субмарины. Люк открылся, и друзья увидели белую чалму огромных размеров. Короткая толстая фигура с видимым трудом поднялась на мостик — человек средних лет с характерным японским лицом, одетый в белый морской костюм. То, что все приняли за чалму, оказалось неумело сделанной повязкой; сквозь ткань просачивалась кровь.

— Однако, Таяма! — вскрикнул Конобеев. — Паразит проклятый!

Волкову пришлось тронуть Конобеева за руку, чтобы привести в себя.

— Макар Иванович, не теряйте головы! — внушительно сказал Волков.

Но Конобеев ничего не слышал. Старик положил на площадку пару принесенных водолазных костюмов и, не спуская с Таямы глаз, начал протягивать к нему страшные огромные ручищи с узловатыми, поросшими волосами пальцами. А Таяма, бледный, с опухшим болезненным лицом стоял неподвижно и смотрел куда-то в пространство сквозь Конобеева. И только когда рука Конобеева придвинулась совсем близко, Таяма, не изменяя неподвижности тела, сделал правой рукой молниеносное, короткое движение: средним и большим пальцем он сжал руку Конобеева у кисти. Макар Иванович, — лесной великан, таежный зверь, который умел молча и спокойно переносить удары медвежьей лапы, срывающей кожу вместе с мясом, — Конобеев вдруг завопил так, что его услышали на берегу.

Таяма, как будто ужалив, принял руку и вновь стоял неподвижно. Рука Конобеева упала вниз как плоть. Старик уже не кричал, но смотрел на врага с безграничным удивлением. Ма-

(Окончание в следующем номере)

сютин и Волков невольно улыбались. Они поняли, что произошло. Таяма применил один из приемов джиу-джитсу, доказав лишний раз, что ловкость, тренировка и умение побеждают грубую силу.

— Я требую, — сказал Таяма по-русски, воспользовавшись паузой, — чтобы меня, как пленного, оградили от оскорблений.

Волков внушительно посмотрел на Конобеева, а тот, растирая левой рукой правую, глухо проворчал:

— Однако, ладно уж! Семь бед — один ответ!

— Следующий! — крикнул Волков в отверстие люка.

Он ухватился за лодку и начал тянуть

Побеждающие Тюрьму

Очерк И. Полтавского

Рисунки худ. В. Щеглова

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОБЕГИ

Гвозди бы делать из
этих людей,
Крепче бы не было
в мире гвоздей.
А. Бзымянский

Чем внимательнее вчитываешься в залитые горячей кровью страницы истории русской революции, тем яснее видишь, что бесчисленные побеги представляют не единичное, а характерное и типичное массовое явление. Недаром так часты и обычны среди политических именно массовые коллективные побеги.

Именно таким, коллективным, был, например, знаменитый «побег одиннадцати» из Киевской тюрьмы в 1902 году. Эти одиннадцать человек привлечены по делу группы «Искра» и Киевского комитета Р. С.-Д. Р. П. Среди них — М. М. Литвинов, в те времена еще не знавший, что ему придется по делам Наркоминдела выступать в Лиге Наций в Женеве и произносить громовые речи от имени страны советов.

В те времена М. М. Литвинов был занят иной работой. Он плетет веревки из разрезанных в полоски простынь. Во время тюремных прогулок он с товарищами «строит слона», пирамиду в вышину тюремных стен. Заключение устраивают своеобразные хороводы под музыку. Вместо барабана они ожесточенно бьют в жестяные банки от консервов. Это нужно, чтобы часовые «привыкли» к шуму, какой неизбежен при перелезании через обитый жестью верх тюремных стен.

Приготовления к побегу идут полным ходом. В букете цветов, переданном с воли, удалось переслать заключенным особый крюк, «кошку». Веревки из простынь заботами М. Литвинова уже изготовлены. Другой участник побега, Мальцман, берет на себя исследование действия снотворных порошков, приготовленных для часовых. Опыты Мальцман проделывает на самом себе, и они проходят удачно. Мальцман спит крепко и долго. Товарищи стара-

тельно будят его, опасаясь, что чрезмерная сонливость обратит внимание начальства, но Мальцман спит. Порошки что надо.

Особым жандармским чутьем начальство уже почуяло какую-то опасность. Заведующий политическим корпусом, приходивший зачастую в камеры политических играть в шахматы, в беседе с партнером как-то проговорился. «Устал очень. Накануне целую ночь вокруг тюрьмы ходил. Поступили кое-какие сведения о замышляемом побеге».

Откладывать не приходится. Надо действовать немедленно!

18 августа 1902 года вместо предположенной «генеральной репетиции» разыгрывается уже подлинный и ответственный спектакль. Аплодисментов не будет. Суфлера нет, но каждый из участников образцово ведет порученную ему роль. Одни строят пирамиду. Другие усердно стучат в барабан. Уже подействовал снотворный порошок, и крепко заснули надзиратели. «Раз, два — делай!» Быстро связан часовой. Его рот артистически заткнут заранее изученным приемом.

— Спокойствие! Строго держись диспозиции!

Один за другим взбираются на высокую тюремную стену заключенные и, обдирая себе руки о шершавую веревку, быстро спускаются по другую сторону стены.

— Спокойствие! Соблюдайте очередь, товарищи!

Вместе с остальными уходит на волю Басовский. Он еще только что здесь же, в тюрьме, сломал ногу, но препятствием для побега это не является.

Несмотря на репетиции, сложный оказался не мало. Тем, кто оказались первыми в очереди, легче. Веревка скоро перетерлась, и оставшиеся позади уже не спускаются, а летят кувирком, попадая в глубокий роз, окружающий тюрьму.

— Это не беда! Спокойствие, товарищи, спокойствие!

— Вы что же медлите? Что вы тут делаете? — спрашивает свалившийся в ров Пятницкий, спотыкнувшись об оказавшегося под ним Басовского.

— Да вот шляпу ищу. Кубарем вниз летел, вот и потерял.

— Да бросьте вы о шляпе заботиться. Я и свою потерял. Разве в этойкой темноте разыщешь?

Беглецы один за другим исчезают в ночном мраке. Пятницкий и беглец со сломанной ногой, Басовский, оказались на улице вместе. Необходимо найти извозчика, иначе не добраться до явочной квартиры, подготовленной товарищами, в Обсерваторном переулке, 10. Но ни один извозчик не соглашается везти этих странных пассажиров. «Пьяные, видать! До того пропились, что и шляпы на голове нет. Видать, все в кабаке оставили. За проезд не уплатят».

После долгих мытарств удалось все же найти извозчика, который, при условии уплаты вперед, согласился поехать в Обсерваторный. Увы, дома № 10 не найти. В Обсерваторном переулке и всего-то оказывается восемь номеров. Растерянные Пятницкий и Басовский в ужасе. Во время поисков они встречают на улице еще одного из бежавших из тюрьмы — Гурского, столь же беспомощно разыскивающего исчезнувший дом № 10. К счастью, у Гурского есть в городе кое-какие знакомые.

Знакомый Гурского, какой-то поляк, радушно предлагает всем троим выпить водки и закусить («Водка, она, знаете, освежает!»), заботливо добывает головные уборы (для Басовского — какой-то старый, не ко времени торжественный цилиндр, для Пятницкого соломенную шляпу), но приютить беглецов у себя категорически отказывается.

Всю ночь раз'езжают беглецы по улицам города, сменяя одного извозчика другим и изобретая как можно более сложные маршруты.

Разными путями расходятся беглецы. Одни, переправившись через Днепр, оказываются в ведении уже Черниговского, а не Киевского губернатора (за днепровским мостом начинается уже новая губерния). Другие отправляются через Каменец-Подольск в пограничные деревни и, перейдя в брод несколько речонков, оказываются в Австрии.

В ужасе мечется раз'яренное начальство, дождем сыплются телеграммы из департамента полиции, но бежавшие искровцы благополучно ускользнули от погони.

Еще разительнее коллективный побег из Холмогор, осуществленный в 1904 году. Участники этого побега рабочие Залезский, Вороницын и Дубровинский не только сами бежали из ссылки, но умудрились еще и освободить из местной тюрьмы партийного товарища Редкозубова.

Редкозубов переведен в тюремную больницу. По обследованию, здесь имеется одно окно без решетки. Но у камеры заключенного неотлучно дежурит часовая.

Решено применить снотворное. Удалось достать хлорал-гидрата. Сколько надо дать этого зелья? Справку наводят в энциклопедическом словаре. Там сказано, что «для нормального человека довольно три грамма». Кто поручится, что часовая окажется нормальным человеком?

Без репетиции братья за дело не рискнули. Участники производят пробу на самих себе. Микстура оказалась необычайно противного вкуса.

— До чего горькое-то, а? Часовой нипочем пить не станет.

— А что, если растворить в пиве или водке?

Но и в этом соединении микстура оказывается неприемлема.

— Никакой пьяница такой мерзости в рот не возьмет.

После долгих сомнений решили остановиться на «попынной горькой». Редкозубов заблаговременно, задолго до побега, объявляет себя любителем полыновки.

— С детства привык!

Сменяющие друг друга часовые уже «знают его характер».

— Ему все с воли попынную приносят. Не дурак выпить. И нашего брата не забывает. Всегда угостит. Добрый.

Но выйти из стен тюрьмы — это еще не все. Как вести себя после побега? Где спрятаться в этом крохотном городишке, насчитывающем всего восемьсот жителей?

Решено устроить подземное убежище в подвале, в доме кого-либо из ссыльных, проживающих в городе. Надо подкопать деревянную стену подвала, сделать лаз и вырыть в земле маленькую келью. Если усадить туда беглеца и наглухо замуровать ход, полиция не отыщет. Недельку отсидится беглец в этом убежище, а там прекратятся поиски, и можно будет добраться до Архангельска. Там-то уж легче будет.

Подходящий подвал найден в домике эсеров Толмачевых. Хозяева свое согласие дали, и в подвале закипела работа.

Заранее выработано расписание каждого шага. Ровно в одиннадцать часов зючич заключенный начинает угощать часового полыновкой, в двенадцать часов он при помощи намазанной медом газеты бесшумно выдавит стекло в том окне, где нет решетки, и перелезет через забор. Здесь он будет встречен товарищем, который

проводит его в подготовленное в подвале дома Толмачевых подземное убежище. Предусмотрены все детали.

Взволнованно готовятся товарищи к встрече беглеца. Но в последнюю минуту вдруг выясняется, что Толмачевы передумали. К себе в подвал они посторонних впускать никак не могут.

— Но ведь вы же разрешили! Ведь столько работы было. Ведь теперь поздно!

Ах, нет. Они никак не могут позволить привести к ним беглеца. Пусть их не стараются переубедить. Они ведь и сами люди партийные. Они — члены партии эсеров, и они никак не могут впутывать свою организацию в такое рискованное дело.

Отказ Толмачевых стал известен только в последние минуты. Предупредить Редкозубова уже невозможно. Что делать? Где отыскать иное убежище, чтобы узник сразу же после побега не попал в лапы к жандармам.

После судорожных поисков Вороницын и Дубровинский нашли выход из положения. Некий Солдатов согласился предоставить беглецу подвал в своем домике. Человек этот, правда, всегда пьяный, но добрый.

— Пушай прячется, мне не жалко.

Снова наспех берутся за пилы и топоры участники побега. Оторван плинтус, подняты половицы, наспех пропилено в настилке из бревен отверстие. Сможет ли сюда пролезть человек?

— Редкозубов — то? Редкозубов сможет!

В подвале стоит вода.

— Как же от тут жить станет? Нары бы хоть устроить.

Но об этом некогда думать. Пропущены и без того все сроки. Надо спешить навстречу Редкозубову.

К тюрьме давно послан один из товарищей. Но он ушел и пропал. Послали второго. И он пропал. Что

Оставшиеся позади попадают в ров, окружающий тюрьму

у них там? Неужто провал? Все участники толпой отправляются к тюрьме.

Близ тюрьмы никого нет. Как сквозь землю все провалились. Куда девались посланные раньше товарищи? Где Редкозубов?

Как оказалось, побег Редкозубова проведен по расписанию. Часовой попался подходящий! Он со всей энергией налег на поленовку и заснул крепко. Стекло в окне при помощи намазанной медом газеты удалось выдавить бесшумно. Редкозубов уже на воле. Но дело оказалось закончено на полчаса раньше, чем предполагалось. Никто из товарищей беглеца не встретил. Не зная об отказе Толмачевых предоставить ему давно обещанное убежище в подвале, он отправился к ним.

Толмачевы в ужасе.

— Ах, ах! Зачем вы пришли? Как вы смели притти? Как можно быть столь не деликатным? Ведь мы же ясно заявили, что никак не можем рисковать своим общественным и партийным положением. Уберите, ради бога, как можно скорее, уберите от нас этого опасного человека!

Беглеца уводят.

— Ходу, товарищи, ходу! Поднавались, братцы!

С момента побега прошло уже много времени. Полицейские поиски начнутся с минуты. Поднавались, братцы!

Редкозубова на рысях привели в домик Солдатова, поспешно опустили в яму, дали ему краюху хлеба, кувшин воды и взялись за сокрытие следов, за заделку пола. Крепко забиты выпиленные доски, старательно замазан грязью, засыпан землей плитус.

К утру, когда побег раскрылся и поднялась кутерьма, Редкозубов спрятан в подземном убежище прочно.

— Редкозубов бежал? Быть не может! Из-под земли откапую! — Разъяренный исправник не только мобилизовал все полицейские силы, но срочно вызвал еще и солдат. Идет повальный обыск всех домов и строений в городе. Строгость так велика, что тщательно обыскан даже дом исправника.

Солдаты заполнили все углы. Они лезут по чердакам и сараям, разбирают штабели дров и стога сена. По всей окрестности обшаривают все овраги и ямы.

Как раз в это время вскрылась Двина. Крохотные Холмогоры окружены водой, отрезаны от всего мира.

— Теперь-то уж вовсе как Редкозубов. Уйти из Холмогор ни од-

на собака не сможет, — утешает себя разъяренный исправник.

Обыски повторяются изо дня в день. Улицы крохотных Холмогор заполнены патрулями. Навестить узника в его подземном убежище нельзя и думать.

Идут дни. Замурованный в подполье беглец окоченел от холода, полумертв от голода. В этом залитом водой подzemелье, где нельзя отличить дня от ночи, каждые сутки кажутся ему годом. Время от времени он подает о себе вести стуком в пол. «Что-то делают там, на воле, товарищи?»

На стук никто не отвечает.

Хриплым, надорванным голосом Редкозубов из последних сил что-то кричит. Если прислушаться, можно разобрать отдельные слова:

— Больше не могу! Невтерпел! Сил нет!

Отклика нет.

Идут дни. Узник уже замолк. Из подполья доносится только глухой надорванный кашель замурованного, теряющего сознание человека.

Приютивший беглеца хозяин домишки Солдатов в ужасе.

— И человека жалко, как мучается. И за себя страшно. Ведь зайдут солдаты, услышат стоны и кашель, не помилуют. Заберите его! — молит Солдатов.

Идут дни. Узник уже замолк

— Да куда же мы его заберем? Сам подумай, — убеждают его Вороницын и Залеский.

Солдатов запил. Но водка не помогла. Он не выдержал волнений. С ним начались галлюцинации. Солдатов кричит, стонет, лезет на стены.

— Заберите вашего товарища! Больше не могу! — иступленно кричит Солдатов. — Не могу я жить, не могу есть и спать, когда у меня под полом человек умирает. Ведь стонет же он! Слышите?! Заберите его, заберите!

Дни идут, тяжелые, мучительные.

Но вот патрули сняты с улиц. Ура! Редкозубова уже извлекли из его подземной темницы. Его накормили, отпоили горячим чаем с водкой и переодели в женское платье. Редкозубов доволен.

— Еще пару дней, и я бы, должно быть, подох, — улыбаясь говорит он. — Нехорошо вышло, что простудился я с первого дня. А тут и еды никакой нет, неприятно. Хорошо хоть воду болотную из лужи пил, этого добра вокруг много было, а то бы, чего доброго, и не дождался, пока выручат.

Дальнейший побег всей группы проводится под видом пикника. Воспользовавшись весенней погодой, компания ссыльных отправляется «кататься на лодке». Лодку добыть удалось, провиант с собой имеется. Вот только в качестве «дамы» Редкозубов уж очень фасоном не вышел. Мужчина — рослый, косая сажень. Платьице это самое на нем — как на корове седло. Он старается с'ежиться, прикрывается платком, но картина получается юмористическая. Как ни серьезно настроены товарищи, они не в силах удержаться от хохота.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Сколько провалов приходилось на каждый из удачно совершенных, счастливых побегов! Бесконечной вереницей встают провалы, побеги, приносившие смельчакам не вольную волю, а новые цепи, новые, еще более тяжелые испытания. Но сколько же непомерной храбрости, какие запасы подлинного героизма обнаруживают и неудачи! Какую изумительную эпопею представляет собой, например, сказочный по своей дерзости, массовый побег революционеров-рабочих из Александровского центра в 1908 году.

Это было в мрачные дни столыпинщины, когда тюремное начальство, по приказу из центра, стало все сильнее «подтягивать» политических. Решено «сбить спесь» с политических, чего бы это ни стоило. Начальник тюрьмы, Савицкий, грозит применить к политическим порку.

Заключенные Александровского центра решают уйти из тюрьмы. Имеется в виду не простой побег в одиночку или группой, а демонстра-

Они идут и идут все вперед

тивный уход массой, коллективом. Решено напасть на караульное помещение, захватить там винтовки с патронами, и тогда — с пением марсельезы и с развернутыми красными знаменами! — двинуться всей тюрьмой в тайгу, на волю.

Замысел кажется безумным по дерзости, но за дело взялись дружно. Шестьдесят человек принимают участие в организации побега. Уже добыты с воли географические карты и компас. Уже удалось достать бикфордов шнур и бертолетовую соль и приступить к заготовке бомб.

Побег решено приурочить к первому дню пасхи, когда и начальство тюрьмы и конвойные будут в «праздничном» настроении. Но перед самым праздником в тюрьме устроен массовый обыск. Начальство имело в виду уголовных, у которых разыскивали спирт и игральные карты, и пришло в ужас, когда в штабелях дров неожиданно открыло целый склад революционного имущества.

Планы побега рухнули. Провал — решительный и бесповоротный. Вся тюрьма поставлена на ноги. Но заключенные решают от своего плана не отступать.

— Мы не ребята малые. Раз решились, надо дело делать.

Вперед! Двадцать пять заключенных кидаются на тюремщиков. Они безоружны, но дружный натиск смял врага.

Со всех сторон иступленно стреляют часовые. Четверо из заключенных убито на месте, еще несколько ранены, но шестнадцать человек уцелевших пробиваются сквозь строй, успевают благополучно вырваться из стен тюрьмы и уйти в тайгу.

— Вперед!

В арестантском платье, полуоборванные, ваясь с ног от холодного ледящего ветра, засыпаемые снежным бураном, они в лютый мороз идут по угрюмой сибирской тайге.

Надо добраться до Иркутска, до которого от Александровского централа семьдесят пять верст. А там, там видно будет.

Прошел день, и второй, и третий.

— Где Иркутск? Отчего нет Иркутска? Измученные, голодные, оконечившие люди изодрались, пробилаясь через непроходимую чащу. Они питаются корой от деревьев, вырытыми из-под снега прошлогодними грибами, но энергии не теряют. Они идут и идут, все вперед, сквозь снежную бурю, прямоком по сугробам. Их преследуют волки, лютые сибирские бураны заносят их.

— Вперед!

Обмерзшие, разбитые, полураздетые, изголодавшиеся люди упорно и неуклонно идут.

Только на шестые сутки выяснилось, что они сбились с пути. Дорога, на которую они вышли, ведет не в Иркутск, а в далекий, недостижимый Якутск. Ну, что ж! Надо вернуться. Надо начать путь сначала.

Не зная устали, раздирая до крови обмороженные ноги, дошедшие до грани безумия беглецы идут. Тяжело? Да, мучительно, невыносимо, нечеловечески тяжело! Но когда же был легок путь революционера?

На восьмые сутки, когда беглецы подошли к селу Алехи, их захватила облава. Хозяйственные мужички — в восторге. За поимку бежавших обещана — шутка ли? — награда в сто рублей.

Ликуют подработавшие мужички, ликует исправник, на долю которого выпал такой крупный, обеспечивающий его карьеру козырь. Но и они не в силах скрыть своего изумления. В таком виде, голыми, босыми, голодными, прошагать сотни верст по морозу, по непроходимой тайге. Это вызывает уважение даже в матером, выдавшем виды полицейском и в хозяйственных мужичках. Даже они расчувствовались от безумного вида пойманных ими смельчаков и принесли им сала и яиц.

— Для несчастеньких не жалко. Ешьте, болезные.

Провалы, как и счастливо закончившиеся побеги, одинаково ярко свидетельствуют о неисчерпаемых запасах силы воли, о том огромном моральном оружии, какое обеспечило победу революционеров в вековой борьбе.

В этой величавой борьбе, какую вела русская революция, на стороне врага были огромные неисчерпаемые силы, был гигантский полицейско-жандармский государственный аппарат. Но победила революция.

Как солнце в капле воды, отражалась эта огромная историческая борьба в отдельных эпизодах побегов, так ярко доказывающих, что стальная воля солдат революции сильнее железных кандалов.

Как ни укрепляло самодержавие каменные мешки своих казематов, революционеры оказывались на воле. Это был символ будущего! Когда настал час, когда приспели сроки, вся страна, задыхавшаяся в тюрьме самодержавия, стала организовывать и свой великий «побег» из тюрьмы прошлого. И тогда, вслед за прологом 1905 года, пришел великий и неповторимый 1917 год, пришел Октябрь, по-иному и по-новому использовавший небывалое мужество, железную энергию солдат революции...

ПОХИЩЕННЫМ БУМЕРАНГ

Рассказ Вальтера Грига

Рис худ. А. Иконникова

— Берегитесь туземцев! Они грабят среди бела дня, а ночью у вас в лучшем случае уцелеет лишь то ухо, на котором вы будете спать. Стоит вам повернуться к австралийцу спиной, как отравленное копье вонзится вам между лопатками, а когда вы будете спокойно сидеть в лагере у костра, прилетит бумеранг и срежет вам голову такой же легкостью, с какой вы срезаете цветок...

И так далее и так далее.

Горячий и нетерпеливый Джо кусывал губы от ярости, слушая эти «ободряющие» напутствия обывателей порта Аделаиды, а холодный насмешливый Боб лишь презрительно улыбался. Приятели отправлялись вдвоем в длительное путешествие в недра Австралии. Боб был натуралист и изучал австралийскую фауну и флору, а Джо — этнограф. Он коллекционировал для Британского музея предметы туземного оружия и материальной культуры.

Первые дни путешествия прошли спокойно. В пустынных сухих равнинах за все время им не попадалось ни одного дымка туземной стоянки.

Через неделю приятели расположились лагерем на берегу широкой, но мелководной реки. Эта река впадает в соленое озеро Эйре, но лишь в исключительно дождливые годы достигает озера. Обычно же она, протекая через раскаленную степь, высыхает.

На берегу этой-то реки и повстречались путешественники с туземцами. Сперва они отнеслись к двум белым с большой подозрительностью. Лишь изредка в ветвях непролазного скруба показывались лохматые головы, бросали на ученых косой взгляд и исчезали.

Убедившись, что белые люди не хотят им зла, туземцы постепенно осмелели. Их разбирало неистовое любопытство. Мужчины один за другим прибегали из стойбища к лагерю молодых ученых, садились вокруг палатки и молча целыми часами наблюдали за ними. Белые, особенно Джо, в свою очередь наблюдали за туземцами. Мало-по-малу завязалось знакомство.

Если бы мнение обывателей порта Аделаиды об австралийцах соответствовало действительности, то в таком тесном окружении туземцев ученые быстро потеряли бы все свое имущество, палатку, в которой спали, и в конце концов жизнь. И Джо и Боб были все время начеку, но вскоре убедились, что в австралийских джунглях они в гораздо большей безопасности, чем в любом европейском городе.

За все время их стоянки на берегу реки у них не пропало ни одной вещи, а однажды молодой австралиец принес и торжественно вручил им топор, который Джо позабыл в лесу.

С каждым днем отношения молодых людей с туземцами становились все теплее. Скоро даже чернокожие ребята стали забираться в палатку и, выпучив глазенки, смотрели на белых как на диковинных зверей.

Туземцы знали лишь несколько исковерканных английских слов, заимствованных от фермеров, а Джо — десяток — другой слов их наречия. Обе стороны широко прибегали к мимике и жестам и отлично понимали друг друга.

Ученых поражало, что в числе их посетителей совсем не было женщин. Однажды Джо спросил об этом старого вождя племени.

— Гинс добывают нам хорошую еду, — отвечал старик.

Мужчины этого племени почти ничего не делали, взвалив все заботы на плечи своих жен. Целый день неутомимо трудились чернокожие женщины, разыскивая пищу для всего племени. Там, где, казалось, ничего не было, кроме сухой травы, камней или речного ила, они умудрялись доставать личинок, жирных червей и прочие лакомства.

Часами с дьявольским терпением отслеживали они ящериц и змей, откапывали в речном песке лягушек жаб.

Через две недели приятели постигли все тайны быта племени. Боб подружился с вождем. Особенное его расположение он приобрел тем, что подарил старику пачку крепкого табаку.

У вождя был необычайно красивый оригинального типа бумеранг, доставшийся ему от предков. Гладко отполированная поверхность оружия была покрыта причудливой резьбой, изображавшей зверей, птиц и змей. Старик уверял, что благодаря этим изображениям бумеранг неизменно попадает в цель. Он так берег его, что далеко не всегда брал с собой на охоту.

Когда Джо в первый раз увидел бумеранг вождя, он так и прилип к нему глазами. Долго вертел в руках, разглядывая со всех сторон.

— Бумерангу по меньшей мере двести-триста лет, — с восхищением сказал он Бобу. — Это сокровище австралийского искусства. Посмотри, какая изумительно тонкая резьба! Ни в одном музее нет такого чудесного экземпляра.

Джо предложил вождю выменять у него бумеранг на любую из его вещей. Старик покачал головой.

— Я ни за что не отдам бумеранга, — сказал он. — Он мне дороже жизни.

Джо позеленел от досады. Все его приставания и обещания не привели ни к чему. Дипломатичный Боб подтолкнул товарища:

— Перестань, Джо! Видишь, что зря. Не надо его раздражать.

Однажды старик предложил Бобу отправиться с ним на охоту за кенгуру. Натуралист с радостью согласился. Рано утром Боб, вождь и еще пять туземцев двинулись в путь. Джо остался в лагере под предлогом сильной головной боли.

Несколько часов шли охотники по бесконечным зарослям скруба, состоявшим из низкорослых корявых акаций и эвкалиптов. Но вот чернокожие остановились на небольшой прогалине. Глаза их приросли к земле.

— Следы кенгуру... — шепнул вождь.

Из-за кустов показались взлохмаченные головы

Как ни напрягал Боб зрения, он не мог ничего разглядеть на земле среди мха, коричневых листьев и путаницы корней. В недоумении он топтался на месте, а чернокожие охотники веером рассыпались по кустам. Только старик остался с белым.

Неожиданно он бросился плашмя на землю и стал внимательно разглядывать почву.

— Что такое? — спросил Боб.

— Здесь проползла большая змея, — сказал старик, и глаза его жадно заблестели.

Еще миг, и сухое черное тело вожды со змеиной ловкостью нырнуло в кусты. Боб кинулся за ним. Ему стоило больших трудов нагнать бешено мчавшегося в зарослях старика. Натуралист никак не мог понять, как тот ухитряется бежать по следу змеи.

Пробежав метров двести, Боб увидел большую золотисто-коричневую змею, обвившуюся вокруг ствола акации. Вскоре Боб заметил, что она выслеживает маленькую птичку, прыгавшую по ветвям. Вот она нацелилась и вытянула голову, чтобы схватить добычу. В этот миг в воздухе мелькнуло брошенное вождем копье и с глухим стуком пригвоздило пресмыкающееся к стволу.

Старик с радостным хохотом снимал с дерева бившуюся в предсмертных судорогах змею, когда совсем близко прозвучал боевой клич охотников. Затрещали кусты, и мимо Боба с быстротой ракеты пронеслось огромными скачками крупное темно-коричневое животное. Через минуту показались охотники. Все они бежа-

ли по направлению к реке, куда загоняли кенгуру.

Боб кинулся за ними. Добежав до реки, он увидел кровавую расправу. Прыгнув на берег, кенгуру завяз в трясине, он отчаянно барахтался, погружаясь все глубже в топкую грязь, а из кустов на него сыпался дождь стрел.

Когда тушу вытянули на сухое место, охотники двинулись обратно в стойбище.

— А почему вы не взяли с собой кенгуру? — удивленно спросил Боб старика.

— Охотнику стыдно тащить на себе убитого зверя, — отвечал вождь. — Гинс придут и возьмут кенгуру.

Когда Боб вернулся в лагерь, Джо спокойно сидел у палатки и курил трубку, но по выражению его лица Боб понял, что случилось что-то важное.

Оба вошли в палатку. Джо тщательно задернул вход и молча указал товарищу рукой на свою постель. Боб поспешно откинул одеяло и вытащил... бумерангвождя.

— Ты стащил его, пользуясь отсутствием старика! — возмущенно

воскликнул Боб. — Сейчас же верни его обратно, а не то будет беда!

— И не подумаю! — заявил Джо. — Ведь я не украл его, а самым честным образом выменял.

— На что и у кого?

— Какой ты привязчивый, Боб! Ну, у жены старика...

Боб так и не мог добиться, чем соблазнил его приятель чернокожую.

День прошел спокойно. Только поражало отсутствие туземцев. До самого вечера ни один из них не показывался в лагере. Со стороны стоянки было все тихо. Не слышно было ликующих криков, обычно сопровождавших дележ добычи. Это не предвещало ничего хорошего. Ученые начинали беспокоиться. Джо бодрился, но видно было, что он сидит как на иголках.

Стемнело. Над становищем чернокожих повисло тяжелое молчание. Казалось, становище вымерло. А между тем после удачной охоты туземцы, бывало, всю ночь напролет пели песни.

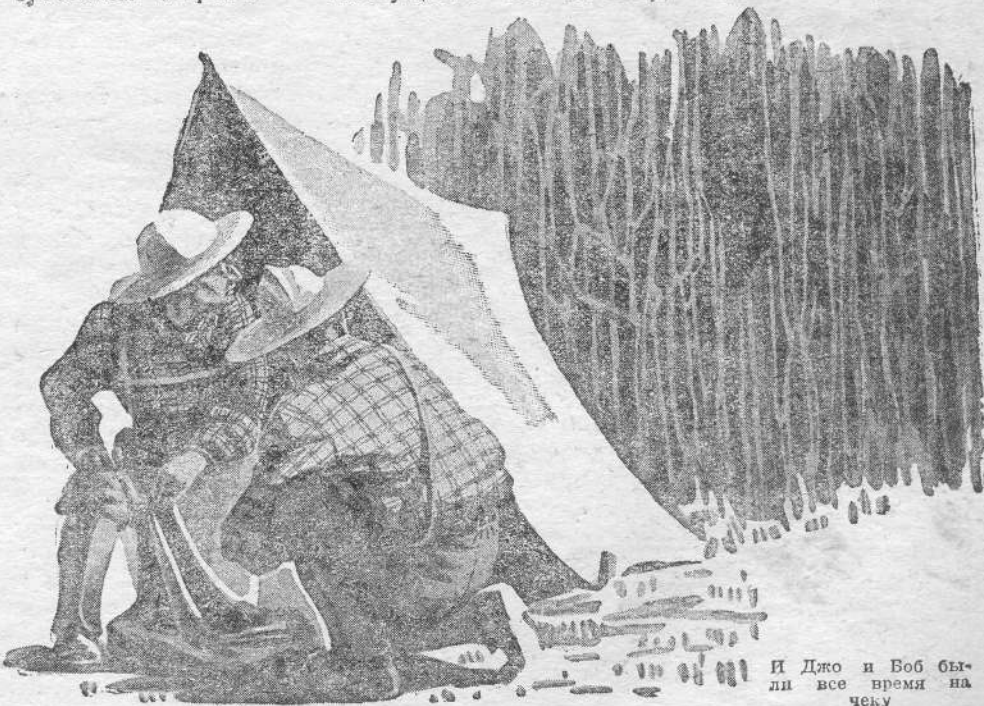
На другой день с утра Джо сказал Бобу:

— Знаешь что? Давай лучше тронемся дальше. Довольно уж мы проторчали на одном месте.

— Согласен, — лаконично отвечал Боб.

Джо свернул свои пожитки и отправился на разведки. Но не успел он сделать и десятка шагов, как из-за кустов показались взлохмаченные головы туземцев. Глаза горели лютой ненавистью. Джо невольно попятился.

— Мы окружены, — мрачно сказал он Бобу, входя в палатку.

И Джо и Боб были все время на чеку

Оба стали обсуждать создавшееся положение. Решили ничего не предпринимать и выжидать, как развернутся события.

От чернокожих в скрубе все равно не уйти.

Ученые с нетерпением ожидали ночи. Они знали, что суеверные туземцы не выходят ночью из становища, так как боятся духов деревьев, которые пробуждаются в темноте.

Когда стемнело, друзья собрали в кучу эвкалиптовые листья и разожгли яркий костер. На черном, как пар, черноземе неба злобеще пламенили огромные звезды. Потрескигал в огне сухой хворост. По временам проносились порывы мягкого ветра. Из обступившего лагерь кустарника иногда долетали глухие шорохи. Там притаились люди или звери...

— Иди спать, Боб, — сказал Джо, — а я посторожу у костра. Часа через четыре ты меня сменишь.

Боб, у которого немилосердно резало глаза от бессонницы, охотно согласился. Войдя в палатку, он, не раздеваясь, свалился на постель и сразу заснул.

Было уже светло, когда Боб открыл глаза.

— Джо, ты здесь? — крикнул он, поднимаясь на ноги. — Почему ты меня не разбудил?

Ответа не было.

Боб выбежал из палатки. У погасшего, подернутого золой костра никого не было. Может быть, Джо пошел за водой к реке? Боб стал громко окликать товарища. Скруб глухо молчал. Молодой ученый обшарил заросли вокруг лагеря — Джо нигде не было. Не видно было и туземцев.

С похолодевшим от ужаса сердцем вернулся Боб в палатку. Тут только он заметил, что постель Джо разворочена, подушка на полу — и бумеранга нет на его обычном месте. Остальные вещи Джо были как будто все налицо. Уж не похитили ли товарища ночью туземцы, а заодно и бумеранг? Но в таком случае почему Джо не позвал его на помощь?

Ни в палатке, ни у костра не было заметно следов борьбы. Но вот, случайно подняв глаза, Боб увидел тяжелое австралийское копье, вонзившееся в ствол эвкалипта как раз над тем местом, где ночью сидел у костра Джо. Острие на несколько сантиметров вошло в кору. Яркое красное древко напомнило Бобу о крови, и он невольно вздрогнул.

«Проклятый идиот! — ругал он себя. — Товарищ тут боролся один с кучей туземцев, а ты спал как бревно. Подлость...»

Теряясь в догадках, Боб поспешно зашагал к становищу. Там все было как всегда. Женщины работали, мужчины неподвижно сидели на порогах шалашей и курили.

— Где белый человек? Говори скорей! — порывисто спросил он старого вождя, встретившего его любезной улыбкой.

Старик покачал головой.

— Не знаю.

По бесстрастному, как маска, лицу вождя Боб понял, что от него ничего не добьешься. Кинулся к другим охотникам — та же история. Последняя надежда была разузнать что-нибудь от молчаливых гинс. Однако, несмотря на обещания подарков, они ни словом не обмолвились о судьбе Джо.

Удрученный, вернулся Боб в лагерь. Теперь ему было

ясно, что Джо погиб ужасной смертью. Воображение рисовало картину кровавой расправы в чаще скруба...

Остаться в лагере было невозможно. Каждый куст, каждая вещь кричали ему о погибшем товарище. Он не мог заснуть всю ночь, а наутро снова пошел в становище и заявил вождю, что хотел бы немедленно отправиться в путь к ближайшей ферме. Старик предложил ему провожатых. Чтобы отблагодарить вождя, Боб подарил ему все свои запасы крепкого табаку.

Четыре дня длился томительный переход по скрубу. Наконец вышли на широкую караванную дорогу. Боб распрощался с туземцами, подарив каждому какой-нибудь предмет своего снаряжения. Чернокожие мгновенно исчезли, словно провалились сквозь землю, а Боб продолжал идти, пока не достиг ближайшей фермы, где и остановился на отдых.

Через месяц Боб благополучно вернулся в Англию, привезя большую ботаническую коллекцию. Он передал убитой горем матери Джо уцелевшее имущество товарища.

Прошло еще два месяца. Каково же было изумление Боба, когда однажды утром он получил письмо следующего содержания:

«Здравствуй, старина!

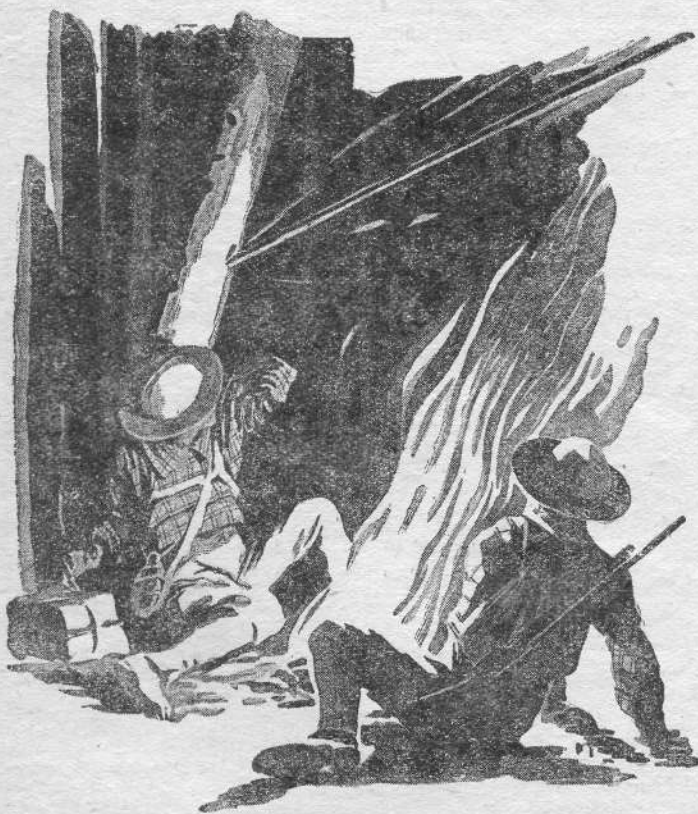
Ты давно считаешь меня мертвым, а между тем я жив и здоров. Сейчас расскажу тебе все, как было.

В ту злополучную ночь я сидел у костра и курил трубку, как вдруг в кустах что-то затрещало, из скруба вылетело копье и вонзилось в эвкалипт в какой-нибудь четверти метра над моей головой. Это было грозное предупреждение: отдай немедленно бумеранг, не то тебе крышка!

Внезапно меня охватил упрямый мальчишеский задор: ни за что не отдам драгоценный бумеранг! Чего бы то ни стоило, спасу его для науки! Я бросился в палатку, выхватил из-под подушки бумеранг, разыскал в вещах револьвер. Тебя решил не будить, чтобы не подвергать смертельной опасности.

Как живой бумеранг, вылетел я из палатки, кинулся к реке. Я знал, что в полтора метра от лагеря на берегу лежит челнок вождя, единственный в становище. Несколько дней назад я внимательно его изучал и описывал. Вот этот челнок и был единственным шансом на спасение.

Огромными скачками неся я не хуже твоего кенгуру вдоль реки. Берег был вязкий, грязный. То и дело

Копье вонзилось в эвкалипт

ОНДАТРА

Экспедиция Сибторга

Фото А. Львова

В августе прошлого года из Красноярск выехала охотничья экспедиция, направляясь в Елогуйский район Туруханского края.

Туруханский край расположен у Енисея. Большая часть края находится за полярным кругом.

На огромные расстояния тянется дикая и дремучая туруханская тайга, изобилует пушным зверем: белкой, лисицей, соболем и ондатрой. Извилиста, с тяжелыми оползающими ярами, река Елогуй, именем которой назван весь район.

Основную массу населения Елогуйа составляют енисейцы (кетто), но живут здесь и остяки-самоеды, и как редкость, встречаются—это звучит почти невероятно!—отпрыски индейцев.

Экспедиция, выехав в Елогуй, имела целью обследовать население и его быт, фауну, кормовую флору и географию района, выбрать место для нового «охотсовхоза», для выпуска в них племенного материала, а в частности, имела задание сдвинуть с мертвой точки вопрос использования пушного зверка, ондатры, о котором теперь ведется не мало споров.

Ондатра—пушной грызун из семьи мускусных крыс—живет и в Турухане, и в Америке (преимущественно на Аляске

и в Канаде). Питается ондатра главным образом водяными и прибрежными растениями, подводными корнями; превосходно плавает и ныряет. мех у ондатры темнорыжий, снизу серый, и расценивается он дорого.

Как всякую ценную пушнину, ондатру нельзя подвер-

Экспедиция выпустила на свободу несколько племенных грызунов

гать хищническому истреблению. Охота—еще не значит истребление. И правильная организация охотничьего хозяйства—не малая социально-экономическая проблема, особенно в условиях смешанного населения дальнего Севера.

Если енисейцы-кетто умеют беречь зверя и тайгу, несмотря на то, что, наряду с рыболовством, охота их основное занятие, то русские—«костры не тушат, жгут тайгу. Убьют мало, а зверя распугают»,—жалуются туземцы.

Вот почему охрана охоты туземцев и охотничьих сокровищ тайги—важнейшая задача нашего народного хозяйства.

Экспедиция тщательно выбирала место для ондатры, чтобы выпустить на свободу несколько лучших племенных грызунов. Они юркнули, они уйдут в глубокую тайгу, чтобы обернуться сотнями таких же зверьков, будущих ценных шкурок, нужных нашему внутреннему рынку и экспорту.

Попутно экспедиция знакомилась с экономикой края, примечая отмирание старого и ростки нового быта.

Еще недавно полудикий Елогуй был краем полновластных шаманов. Шаманы наряду с урядниками были здесь и администраторами, а теперь это—лишцы. Шаман полностью разоблачен советской властью, как и тот купец, который за четверть водки добывал у одуряченного туземца ценную пушнину.

Фактория Сибторга, четко работающая, это—центр, куда тяготеет начинающее мыслить туземное население.

А 18 ноября 1929 года Крайздравотдел получил средства, и на Елогуйе открылся медпункт.

Так создается своего рода культбаза Сибторга...

И удивительно и радостно слышать здесь корявый говор какого-нибудь председателя родового совета, когда он говорит о том, что было недоступно ему десяток лет назад—о кооперации, об охотсоюзе, об ондатре. Говорит о всем том новом, что из советских центров пробивается на наши окраины, на дальний Север.

Н. Кар.

я проваливался в ямы. Где-то близко позади трещали кусты: за мной гнались, судя по шуму, не больше трех человек.

Шум явно приближался. Еще немного — и меня настигнут...

Вдруг меня осенила блестящая мысль: я вспомнил про повадки лесных духов, о которых я столько наслушался от охотников и гинс, и, подражая этим страшилам, заухал и застонал замогильным голосом. Потом зловеще и раскатисто захохотал.

Маневр удался. Преследователи, перепуганные, остановились, а я прибавил ходу и вскоре споткнулся о черневший на берегу челнок. Мигом столкнул его на воду и что есть силы заработал единственным веслом. Легкая посудина ходко тронулась против течения. Прошло несколько минут, и над самым ухом в темноте что-то просвистело. Бумеранг шлепнулся в воду рядом с челноком.

Я работал как машина, каждый удар весла уносил меня от пресле-

дователей. Однако они не отставали. Второй бумеранг смазал корму челнока. Я сообразил, что моя белая рубашка отличная мишень. Стал шарить по дну, нашел рваную сеть и обмотался ею с головы до ног. Теперь я слился с черным фоном реки. Третий бумеранг рикошетом скользнул по воде метрах в двух от челнока.

«Верно, больше у них нет бумерангов», — с облегчением подумал я и не ошибся. Я знал, что берег чем дальше, тем становится болотистее. И действительно — преследователи скоро отстали. Я был один на реке между двух стен скруба под черным звездным небом.

До рассвета я греб без передышки до кровавых мозолей. Когда взошло солнце, я вышел на берег, подстрелил из револьвера какую-то птицу, зажал ее на костре и плотно позавтракал.

Трое суток плыл я по реке. Не садился на мель и с трудом стаскивал челнок. Наконец скруб кончил-

ся, пошла пустынная степь. Не так далеко от берега я увидел группу деревьев и синий, струившийся по ветру дымок. Вытянул челнок на берег и двинулся на дымок.

На мое счастье, показалась ферма. Там меня испугались — я выглядел скелетом.

На ферме я проработал два месяца батраком, чтобы раздобыть денег на дорогу — ведь кошелек остался в моих вещах. Потом двинулся на Сидней, а оттуда пароходом на родину.

В Британском музее мой бумеранг произвел сенсацию. Меня сразу назначили хранителем австралийского отдела. Здесь не очень-то интересовались, каким путем добыт бумеранг.

Ты ведь сам знаешь, что другие вещи нашего музея добыты менее невинным способом. Но на моем бумеранге нет следов крови: твоя сентиментальность может не возмущаться.

Твой Джо».

Недавно в Гренландию отправилась германская научная экспедиция во главе с профессором А. Вегенером. Экспедиция предполагает пробыть на острове восемнадцать месяцев. Цель экспедиции — метеорологические, геологические и аэронавигационные изыскания в сердце Гренландии, в стране вечного льда, где лежит ключ ко многим научным загадкам.

Гренландия — обширнейший остров, первый по величине на земном шаре, представляет собой плоскую поверхность, ограниченную по краям высокими горами и покрытую слоем льда толщиной до 1000 метров. Эти массы льда — последние остатки ледников, которые некогда сковывали весь север земного шара. Гренландия — это реликвия далекого прошлого, насчитывающего свыше ста тысяч лет.

Девятьсот лет назад Гренландия славилась цветущим поселением европейцев. Поселение состояло из нескольких сот крестьянских ферм, залегавших в глубине фиордов южной части острова.

В XV веке связь колонии с Европой была прервана, и только в 1576 году английский исследователь Фробишер вновь открыл Гренландию. От колонии он не нашел и следа, она исчезла. На месте чистеньких маленьких крестьянских домиков стояли полуразрушенные эскимосские хижины.

Гренландия наших дней — остров, опоясанный цепью высоких гор (до 1800 метров высоты). В центре горного кольца — огромное ледяное поле, площадь равное Германии. Берег изрыт многочисленными фиордами, глубоко врезающимися в горную береговую цепь. С высоких и крутых берегов непрерывно ползут в море огромные массы ледников. От этих ледников откалываются и плывут в открытое море гигантские айсберги. Подготовительная экспедиция профессора Вегенера в прошлом году выяснила, что величайший ледник Якоксхорн ежедневно посылает в море 30 000 000 куб. метров льда. В Гренландии не редкость ледники, которые имеют в поперечнике 6 миль и сползают со скоростью 15 метров в день. Многие альпийские ледники продвигают подобный путь... в год. Некоторые из этих ледников «высыхают» и доходят только до половины дороги другие же сползают в море целиком.

Есть указания на образование новых ледников. В этом-то и заключается за-

гадка Гренландии. Очевидно, это огромное ледяное поле должно непрерывно пополняться каким-то непонятным образом. Но до сего времени не найдена причина этого явления.

Обширные пространства гренландских льдов — это естественная лаборатория для получения холодного воздуха, играющего важную роль в климате Северной Америки и Западной Европы. Однако замечательно то, что временами с этих ледяных полей дуют теплые ветры. Температура этих ветров вдруг поднимается до 45°F . или $+7^{\circ}\text{C}$. за один час зимой, — явление, которое заставило некоторых опытных исследователей прийти к выводу, что там, в центре Гренландии, должны находиться свободные ото льда зеленые долины.

Как правило, все гренландские ледники непроходимы, и немногим исследователям удалось пересечь Гренландию.

Первым таким смельчаком оказался недавно скончавшийся знаменитый полярный исследователь Фритьоф Нансен, который сорок лет назад исследовал южную и среднюю часть острова.

Затем, в 1891—1892 году американец Пири определил северную границу Гренландии и, наконец, Альфред Вегенер три раза побывал в Гренландии: в 1906—1908 годах, в 1913 и в 1929 году.

Новая экспедиция будет самой длительной и наиболее оборудованной. В ней принимают участие двадцать ученых: геологов, метеорологов и инженеров.

Тот факт, что Гренландия лежит на пути наикратчайшей авиодороги между северной Европой и Чикаго, привлекает также и финансистов к участию в экспедиции.

Многие видные дельцы Америки снабдили экспедицию деньгами и техническим оборудованием. Экспедиция надеется при помощи моторных саней выявить возможность использования ледяных полей как аэробазы, если холод не окажется слишком жестоким для моторов.

Экспедиция взяла с собой коротковолновую радиостанцию, в целях изучения действия беспроволочной передачи электрических волн в области ледников.

Затем экспедиция попытается произвести точное измерение толщины ледяного покрова, окутывающего остров. Для этого на поверхности льда будут произведены взрывы динамитом, которые вызовут как бы искусственное землетрясение. Колебания, вызванные этим сотрясением, распространятся по всем направлениям, пробегут через лед со скоростью 3300 метров в секунду и отразятся от земли, находящейся подо льдом, точно так же, как звуковые волны отражаются от стены и возвращаются к человеку в виде эха. При помощи сейсмографа и киноленты вполне возможно определить точную толщину льда. Ледяной покров будет измерен по пути следования во многих местах.

Таким образом попытаются установить контур земли подо льдом и общее геологическое строение острова.

Вегенер надеется найти в Гренландии новый материал, подтверждающий его теорию происхождения континентов. Согласно его теории то, что мы называем твердой землей, в действительности не является твердой массой, а скорее огромным куском, остатком земли на твердом каменном ложе океана, почему так называемая «суша» не стоит на месте, а постоянно движется в каком-либо направлении. Вегенер утверждает, что Европа, Африка, Америка, Азия и Австралия были когда-то одним сплошным куском земли. С течением времени этот кусок стал раскалываться на части, и образовались континенты, которые медленно, но неуклонно удаляются друг от друга. Замечено многими учеными, что Гренландия медленно и непрерывно движется на запад, что говорит в защиту теории Вегенера. Определение долготы острова за период с 1823 по 1922 год показывает заметное удаление Гренландии от Европы.

До настоящего времени все экспедиции по исследованию Гренландии происходили летом, и никто еще не осмеливался зимовать на острове, где бушуют страшные ледяные штормы, а температура доходит до -60°C .

Н. Б.

ПИЩЕВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Очерк Н. Глоба-Михайленко

Рисунки худ. А. Пржецлавского

Скептики утверждают: «Золотая эра исследователей земного шара прошла. За исключением неприступных гор нечего уже открывать путешественникам XX века». В этих жалобах как будто есть доля истины. Между тем все расширяющиеся потребности человека и рост населения настоятельно требуют не столько новых земель, сколько новых источников сырья. И здесь исследовательской энергии человека открывается самое широкое поле деятельности. Нет нужды открывать новые территории — источники неисчерпаемых богатств можно найти даже под Москвой.

Если в XVIII веке исследователем мог быть любой моряк, то в наш век в состав экспедиции неизменно входят представители ряда самых разнообразных отраслей науки: и геологи, и метеорологи, и химики, и ботаники, и зоологи.

В числе «специальных» экспедиций самыми зловонными, несомненно, считаются сырьевые и, в частности, «пищевые», разыскивающие новые продукты питания среди растительного, животного и даже энтомологического (насекомые) мира. Направляются эти экспедиции обычно в самые глухие углы всех континентов, преимущественно в экваториальные и тропические области, наименее исследованные и обещающие богатую жатву пищевых новинок.

САЛАТ ИЗ ХРИЗАНТЕМ

Один из самых неутомимых «пищеискателей», американец Вильсон Попеное объездил весь земной шар и ввел в пищевой режим САСШ целый ряд овощей и плодов.

Он с юмором рассказывает некоторые из своих злоключений. Самой ценной находкой Попеное была, несомненно, авокада, или аллигаторова груша, как ее называют туземцы Гватемалы. Попеное был поражен, увидев колоссальный плод весом в полкило, с нежной мучнистой мякотью в роде банана. Туземцы едят пару авокадо на обед и запивают их кофе. Попеное отнесся недоверчиво к питательности плода, но на опыте убедился, что больше пары авокадо в обед не осилить. Впоследствии анализ установил калорийность авокадо, равной шести яйцам или же хорошего размера бифштексу. Попытка Попеное сорвать свежие плоды с огромного девяностометрового дерева была встречена воплями женщин.

— Нельзя, нельзя, отравишься! — кричали они в ужасе. — Авокату можно

срывать только во время полнолуния, а сейчас у нас новолуние.

Эти уговоры не помешали Попеное нарвать свежих плодов и полакомиться. Конечно, фрукты не оказались ядовитыми. Захватив ящики с ростками дерева авокадо, Попеное доставил их в Калифорнию, где они привились.

Самый широкий размах в этих исследованиях «пищевых дебрей» проявляют САСШ, а главным «пищеискателем» безоговорочно признан Альберт Риз, профессор Виргинского университета. Он обследовал, изучил и лично перепробовал тысячи представителей растительного и животного мира, отнюдь не считавшихся до сих пор пищей. По мнению ученого, даже школьники и туристы обязаны тщательно собирать все новые виды растений во время своих экскурсий и анализировать их.

В любом лесу каждой широты можно найти сотни съедобных и питательных корней и клубней.

В дневниках путешественников отмечен ряд таких пищевых растений, которые мы и не помышляли бы счесть съедобными.

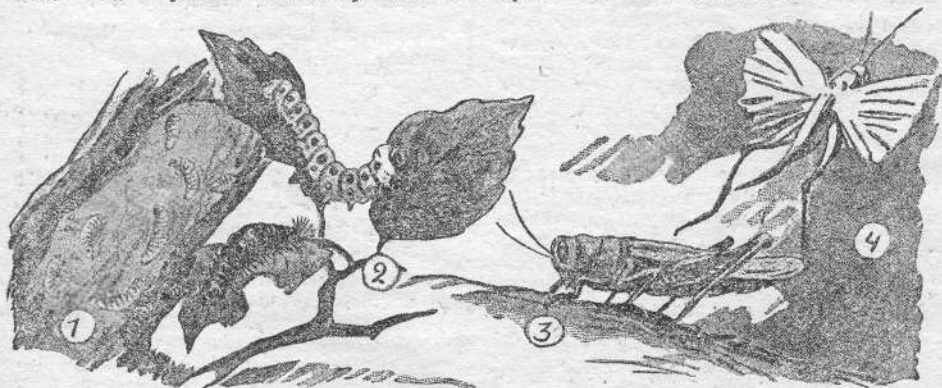
В Китае, например, получают из корней водяной лилии муку, в Японии из хризантем делают салат, в Индо-Китае едят ростки молодого бамбука.

МУРАВЬИНАЯ ПАСТИЛА

«Пищеискатели» не ограничиваются растительным миром. Обследуя диету разных народов, они установили, что мир насекомых может внести значительное разнообразие в пищевой рацион человечества.

Профессор Риз перепробовал десятки национальных блюд из насекомых и с похвалой отзывается о питательности и вкусовых качествах саранчи, кузнечиков, гусениц, белых муравьев. Древесные личинки составляют, по показаниям путешественников, изысканное лакомство в Африке и Индонезии. Их варят и тушат на огне. Туземцы вытаскивают их из-под коры и глотают сырыми. Риз говорит, что по вкусу древесные личинки похожи на устриц и не уступают им в питательности. В Сиаме лакомятся муравьиными яйцами. Из них приготавливают пастилу, похожую по вкусу на миндаль.

Дождевые черви тоже очень жирны и питательны, и китайцы начали в последнее время готовить из них консервы и даже экспортировать их.

1. Древесные личинки. 2. Гусеницы. 3. Саранча. 4. Английский кузнечик

1. Яйца чайки. 2. Медуза. 3. Каракатица. 4. Морской угорь. 5. Морская капуста. 6. Морской слизняк. 7. Осьминог

ДАРЫ МОРЯ

Обратимся теперь к морю.

Профессор Смитсоннского института Кларк (Америка) говорит, что среди рыб вполне ядовитыми признаются только два представителя южных широт — «раздуватель» и «шар». Остальные же «дары моря» вполне съедобны.

Вынужденный опыт морской диеты был произведен летом 1928 года экипажем американского гидроплана, потерпевшего аварию в Тихом океане. В течение десяти дней, пока летчики не добрались до Гавайских островов, они принуждены были питаться... медузами. «К первому обеду, — говорит один из летчиков, — мы приступили с предубеждением. Каждый из нас с величайшим отвращением проглотил свою порцию, хотя теоретически мы знали, что в Японии и Китае — медузы обычное блюдо». Но голод — не тетка, и до конца своего вынужденного рейса летчики вполне освоились с необычной пищей. А в Гавайях они даже не без успеха демонстрировали изумленной европейской колонии свои всеядные таланты.

Каракатицы и другие головоногие продаются в Италии под названием «чортовой рыбы», на Востоке они повсеместно потребляются в пищу. То же можно сказать и о морском слизне.

Кроме морских животных, население береговых областей располагает двумястами разновидностей водорослей — любимой пищей японцев.

В последнее время медицина настоятельно рекомендует водорослевое питание благодаря большому проценту содержащегося в нем йода и полезных солей.

ВОЗМОЖНОСТИ ПИЩЕВОЙ ДИЕТЫ

Возможности нашей пищевой диеты — безграничны. В частности, у нас приходится буквально вдавливать в голову населения пользу и дешевизну кроличьего мяса.

Не малую роль играют здесь и суеверия. Например в Центральной России до последнего времени считалось «грехом» есть голубя, в то время как на Украине специально разводят голубей в пищу.

С другой стороны, Украина считала «нечистым» мясо зайца.

Евреи и магометане не употребляли в пищу свинину; а конина, которую татары едят испокон веков, прививается у нас с величайшим трудом. Но это «общепринятые» в качестве съестного животные.

Риз указывает, что мясо ряда животных, которые одним своим видом внушают нам страх и отвращение, на деле вполне съедобно и с успехом потребляется во многих странах. Мясо хорька после соответствующей обработки едят в Центральной Америке, отбивные котлеты из аллигатора весьма ценятся в Мексике, у нас в Средней Азии живут вкусные и съедобные вараны, на мясных рынках Южной Америки продают обезьян, саламандр и крупных ящериц, а китайцы с аппетитом уничтожают крыс. Наконец, змеи — любимое блюдо туземцев Южной Америки, Австралии и Южной Африки.

Африки.

1. Финиковая пальма и ее плоды. 2. Какао-дерево и его плод. 3. Рис. 4. Соя (китайская).

Редакция «Вокруг Света», «Всемирного Следопыта» и «Всемирного Туриста» снарядила ряд экспедиций. В ближайших номерах начнутся печатанием материалы, привезенные из экспедиций:

по Донбассу — шахты,
соляные копи — Романовский,

по берегу Азовского моря — рыбачьи колхозы — Щеглов,

по Танну-Туве — М. Ковлев,

по Алтаю и по Карагас-
сии — А. Смирнов-Сибирский.

На борту ледокола «Седова», направляющегося на землю Франца-Иосифа, находятся наши корреспонденты и сотрудники:

пом. нач. экспедиции проф. Самойлович, нач. экспедиции на Северную Землю — Г. Ушаков, писатель И. Соколов-Микитов, наш постоянный сотрудник — матрос «Седова» — Б. Юркевич.

Редакцией приняты меры для получения от экспедиции материалов по радио.

Кроме того, наши сотрудники имеются в составе геологической экспедиции в Горную Бурятию (пом. нач. экспедиции В. Белоусов), экспедиции Угольного института геолкома (шофер экспедиции Гинзбург), в экспедиции на моторно-парусной шхуне «Белуха» к устью реки Лены (Макс Зингер), на лесосплаве на Севере (писатель А. Платонов), на шлюпке похода Чита — Сахалин (Бурмин и др.).

У нас в СССР недавно открыт завод, изготавливающий консервы из трепангов. Риз говорит: «При нынешнем пищевом воспитании человек может погибнуть от голода в джунглях или на далеком Севере, будучи в то же время окруженным разнообразной пищей, которую он не умеет найти и использовать».

Очерк Л. Савельева

Рис. худ. А. Иконникова

В этом году исполнилось сто лет со дня рождения великого ученого, географа, путешественника, революционера, Элизы Реклю.

Элиза Реклю уже в ранние годы порвал всякую идейную связь со своей консервативной средой. Окончив протестантский колледж, во Франции, он продолжал образование в Германии и в берлинском университете избрал специальностью географию. Французская революция 1848 года, политические и социальные учения той эпохи зародили в Реклю ту ненависть к капиталистическому строю, которая непрестанно росла и сохранилась в нем до конца жизни. Он не мог примириться с наполеоновским переворотом, и в 1852 году бежал из Франции, где после разгрома революции начинался долголетный торжествующий разгул военщины и биржевых спекулянтов.

Шесть лет путешествовал Реклю по Европе и Америке, наблюдая и изучая природу и население множества стран, верный своему неизменному принципу: «Лучше наблюдать природу среди нее самой, чем представлять ее себе, замкнувшись у себя в кабинете».

В 1857 году он вернулся в Париж, где стал опубликовывать результаты своих географических изысканий. Особое внимание привлекла небольшая книга его «История ручья», в которой в чрезвычайно образной и живой форме обрисованы все этапы развития большой реки от истока до устья. Впоследствии, уже в швейцарском изгнании, он написал книгу такого же жанра, столь же оригинальную и увлекательную: «История горы». Наконец в 1876—1877 годах появились два ставших знаменитыми тома: «Земля—описание земного шара».

Научные занятия не мешали Реклю следить за политическими событиями и поддерживать общение с революционными деятелями. К 1864 году относится его знакомство с Бакуниным. В дни Коммуны Реклю без всяких колебаний примкнул к восставшему парижскому пролетариату, стал в ряды коммунаров и с оружием в руках был взят в плен версальцами. Оскорбления, издевательства, побои озлобленных офицеров и озверевшей толпы версальских буржуа, — все испытал на себе европейски известный уже в то время ученый, когда его вели как пленника с туго связанными руками. Через четырнадцать тюрем прошел Реклю, пока 16 ноября военный суд не приговорил его к вечной каторге. Известие об этом вызвало негодование в английских на-

учных кругах, посыпались петиции и ходатайства, подписанные весьма авторитетными именами, и правительство Тьера вынуждено было отменить каторжный приговор. 6 января 1872 г. Оно заменило его пожизненным изгнанием.

Реклю поселился в Швейцарии, в небольшом местечке Кларан. Там в течение девятнадцати лет, с 1875 по 1894 год, он создал свой гигантский труд, давший ему мировую известность и обессмертивший его имя. Из года в год, книга за книгой, аккуратно появлялись томы «Новой всемирной географии», обильно иллюстрированной картами, планами, картинками. Это издание вышло в девятнадцать томах. Научные занятия Реклю прерывал для ряда длительных путешествий, необходимых ему для собирания материалов.

Ученых изумляло, как мог один человек выполнить такую колоссальную работу. Нужен был не только выдающийся талант и величайшая эрудиция, но и исключительная работоспособность, чтобы осуществить это грандиозное культурное предприятие. Среди сотрудников Реклю следует отметить его друга и политического единомышленника, Кропоткина, который принял участие в составлении тома, посвященного Азиатской России.

Парижское географическое общество не могло не присоединиться ко всемирному признанию научных заслуг опаль-

ного французского географа и присудило ему золотую медаль.

Брюссельский университет пригласил Реклю занять кафедру географии, но когда, окончив свой основной труд, Реклю готовился переехать в Брюссель, университетские власти известили его, что вопрос о его назначении «еще не решен». Реклю-коммунар показался бельгийским либеральным профессорам слишком опасным учителем молодежи. Но брюссельские студенты сами, от своего имени, пригласили того, чья революционная репутация так пугала ученых либералов.

В результате был основан новый университет, где «крамольные» студенты с увлечением слушали вдохновенные лекции прославленного ученого.

Свои революционные убеждения Элиза Реклю выражал открыто — печатно и устно. Капиталистический строй и буржуазное общество были ему ненавистны. Он никогда не был непримиренным и, примыкая к анархистскому учению Кропоткина, высказывался за революционную активность масс и приветствовал борьбу угнетенных классов и народов за свое освобождение. Личным примером поддерживал он всякое выступление против буржуазных традиций и «священных» обычаев. В 1882 году он выступил с проповедью свободного брака, наделавшей в то время много шума и вызвавшей бешеные нападки со стороны европейского мещанства. Обе дочери Реклю с одобрения отца вышли замуж без поповского благословения и без санкции властей.

Длительная сердечная болезнь мешала Реклю написать в последние годы жизни давно задуманную им книгу о Парижской коммуне. Несколько интересных и значительных мыслей о Коммуне высказаны им в одном из томов «Человек и Земля». Он указывает на ошибки, совершенные коммунарами, из которых лишь немногие понимали, что необходимо было приступить к методическому разрушению всех старых государственных учреждений и к уничтожению всех предприятий, мешавших свободному объединению граждан. Реклю вполне оправдывает казнь заложников, как акт репрессии за массовые расстрелы, произведенные версальцами.

Знаменитого ученого вели с туго связанными руками

В 1905 году, за несколько месяцев до смерти, семидесятилетний Элизе Реклю отправился в Париж, чтобы на публичном собрании в восторженной речи приветствовать первую русскую революцию. В этой речи он почти пророчески предсказал то, что произошло в октябре 1917 года. Это было последнее политическое выступление Реклю, — 4 июля 1905 года он умер в Бельгии, в окрестности города Брюгге.

Одна из французских революционных журналисток в юбилейных воспоминаниях рассказывает, как, посетив Реклю

в 1897 году, она была поражена, увидев у него в кабинете на стене странную, жуткую фотографию. На фотографии был изображен сидящий на земле человек в лохмотьях, в рваных лаптях, с всклокоченными волосами, с глазами затравленного зверя.

— Это подданный его величества императора всероссийского, — пояснил Реклю. — Этот человеческий документ прислал мне один из моих русских друзей. Вы видите, во что может превратиться человека режим насилия и рабства.

Это крестьянин, которого грабит «батюшка-царь», отнимая у него все, что он добывает тяжким трудом. Нищета, страдания, страх превратили его в человека, дошедшего до последней степени падения.

Элизе Реклю не дожид до времени, когда этот «человек, дошедший до последней степени падения», выпрямился во весь рост и совместно с рабочим классом сбросил со своей шеи не только «батюшку-царя», но и всю свору эксплуататоров — помещиков и капиталистов.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Радио на Луну

Американский ученый А. Тейлор подготавливает интересный опыт. Он намеревается послать из вашингтонской станции радиоволны на Луну. Тейлор рассчитывает, что поверхность Луны отразит радиоволны обратно на Землю. Как известно, расстояние от Земли до Луны равно 384 420 километрам. Значит, радиоволны должны быть приняты на Земле меньше чем через три секунды после их послышки на Луну.

Если опыт Тейлора удастся, это будет значить, что верхние заряженные электричеством слои земной атмосферы (так называемая стратосфера) пропускают радиоволны. Тем самым будет установлена принципиальная возможность межпланетных радиосигнализаций, в частности сигнализации Марсу.

Умер Конан-Дойль

В Лондоне на 71 году жизни умер писатель Артур Конан-Дойль. Всемирную известность Конан-Дойль завоевал своими рассказами о Шерлоке Холмсе, придуманном им любителе-сыщике. Первый рассказ о Шерлоке Холмсе был напечатан более сорока лет назад. Успех заставил Конан-Дойля продолжать приключения этого героя, успевшего за десять лет

так надоест автору, что он воскликнул: «Я должен убить Шерлока Холмса, иначе он убьет меня».

Конан-Дойль объездил полмира в качестве судового врача, совершил полярную поездку и прожил некоторое время в Западной Африке. Им написан ряд приключенческих и фантастических романов и рассказов. У нас был недавно напечатан один из его романов («Маракотова бездна») и ряд рассказов.

Электрическая «спичка»

В Техасе, на нефтяных промыслах, чтобы уменьшить возможности взрыва или пожара, администрация запретила рабочим и служащим иметь при себе спички. В то же время, считаясь с большим количеством курящих, администрация установила несколько электрических «спичек» на изолированных местах. «Спички» устроены таким образом, что электрический ток не может причинить вреда пользующемуся ими.

Коссаговский

Раттнер

Герои нового романа
М. Зуева-Ордынца

СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ = НОВО-КИТЕЖЕ =

начинающегося печатанием в № 8 „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“. Роман иллюстрируется худ. Н. М. Кочергиным

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КИОСКАХ

Стуха

Марфа

К сведению анонсодателей. Тариф объявлений в журнале „Вокруг Света“ устанавливается следующий:
1 страница—750 руб. 1 строка непарели—1 р. 35 к. Сверх тарифа—госналог 10%.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АКЦИОНЕРНОЕ
ИЗДАТЕЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“

МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ, 10/2.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 2-е ПОЛУГОДИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

„30 ДНЕЙ“ ставит своей задачей
ДАВАТЬ РАЗНООБРАЗНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, КУЛЬТУРНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ МАТЕРИАЛ В ЖИ-
ВОЙ, УВЛЕКАТЕЛЬНОЙ И ПОПУЛЯРНОЙ ФОРМЕ

В ЖУРНАЛЕ **„30 ДНЕЙ“** ПЕЧАТАЮТСЯ
ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СТИХИ ЛУЧШИХ СОВЕТ-
СКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ,
ЧТО ДАСТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЧИТАТЕЛЯМ ОЗНАКО-
МИТЬСЯ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ
СОЦИАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ.

ВСЕ РАССКАЗЫ, СТАТЬИ И ОЧЕРКИ СОПРОВОЖДАЮТСЯ ИЛЛЮ-
СТРАЦИЯМИ ЛУЧШИХ ХУДОЖНИКОВ И ФОТОГРАФОВ

ПОДПИСЧИКИ **„30 ДНЕЙ“** ПОЛУЧАЮТ (с июля до конца года)

I АБОНЕМЕНТ

6 книг
„30 ДНЕЙ“

6 книг „Био-ки современных писателей“:

Ф. ГЛАДКОВ—„Старая секретная“,
Д. ФУРМАНОВ—„Семь дней“,
Б. КЕЛЛЕРМАН—„Братья Шелленберг“, „Малый
Тибет“, Индия и Сиам“, „Собы-
тия в жизни Шведенкеля“ и
„Ингеборг“.

На 6 мес.—5 р. 25 к., на 3 мес.—2 р. 75 к.

ПОДПИСАВШИЕСЯ с июля до конца года по 1 аб.
и внесшие при подписке дополнительную плату
2 р. 25 к. ПОЛУЧАЮТ вышедшие в первом полугодии:

6 книг „Био-ки современных писателей“:

Г. НИКИФОРОВ—„Женщина“,
М. ГРОМОВ—„За крестами“,
А. НОВИКОВ-ПРИВОЙ—„Женщина в море“,
В. ГОРВАТОВ—„Ячейка“,
Б. КЕЛЛЕРМАН—„Туннель“ и „По персидским
и равнинным стенам“.

ПОДПИСЧИКИ по II АБОНЕМЕНТУ

ПОЛУЧАТ ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ в I АБОНЕМ.

6 книг
„30 ДНЕЙ“

6 книг „Био-ки современных писателей“
перечисленных в списке по I абонем.

12 книг
В. Г. КОРОЛЕНКО

На 6 мес.—8 р., на 3 мес.—4 р. 25 к. и, кроме
того, ЗА ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ПЛАТУ при подписке
в 4 р. 75 к. подписчики могут получить

вышедшие за
1-е полугодие **12** книг

В. Г. КОРОЛЕНКО

6 книг „Био-ки современных писателей“.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Никольская, 10/2, Изд-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“